

Дмитриев Георгий Сергеевич

кандидат богословия, доцент кафедры
общегуманитарных дисциплин

E-mail: ross.georg@mail.ru

Московский финансово-юридический
университет

115191, Москва, ул. Серпуховский Вал,
д. 17, корп. 1

Основания и обстоятельства ссылки клириков Переславской епархии в Николо-Сольбинскую пустынь в XVIII веке

Архив Переславской духовной консистории второй половины XVIII в., находящийся на хранении в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), располагает массивом консисторских актов о канонических и прочих преступлениях клириков Переславль-Залесской епархии, учрежденной в 1744 г. Среди наиболее распространенных дисциплинарных нарушений среди священников и причетников Переславской епархии были: пьянство, небрежность по отношению к состоянию храма (а также антиминсов, икон, утвари), ссоры, иногда и драки, как с прихожанами, так и с другими клириками. Не редкостью было опущение богослужений (в т. ч. молебнов) в высокочестивые дни (к ним относились: именины и дни рождения императрицы, наследника, великих князей, а также день коронации и восшествия на престол). По сложившейся традиции и узаконениям провинившиеся клирики обязаны были быть оштрафованы либо в денежном виде (50 копеек, 1 или 2 рубля), либо отправкой в ссылку («подначальство») на работу («в труды» или «в черную работу») в Николо-Сольбинский (чаще всего), Данилов, Никитский, Горицкий монастыри и Лукьянову пустынь на разные сроки (от 14 дней до полугода). Переславские архиереи имели право, которое нередко и применяли, корректировки консисторских приговоров. Среди архиерейских резолюций наибольшей взвешенностью и мягкостью отличались решения епископа Феофилакта (Горского) (†1788), одного из первых ярких русских богословов и проповедников. Изучение актового материала переславской консистории позволило раскрыть широкий спектр нарушений духовенства, подробности его нравственности и быта, взаимоотношений внутри приходского клира, специфику системы наказания, его производства и локации в Переславской епархии.

Ключевые слова: Переславская епархия, Александров, Переславль-Залесский, священство, заказчик, консистория, собор, епископ.

...

Для цитирования: Дмитриев Г.С. Основания и обстоятельства ссылки клириков Переславской епархии в Николо-Сольбинскую пустынь в XVIII веке // Теология: теория и практика. 2024. Т. 3. № 1. С. 128–156. DOI: 10.24412/2949-3951-2024-0070

Georgy S. Dmitriev 

Candidate of Theology, Associate Professor of the
Department of General Humanitarian Disciplines

E-mail: ross.georg@mail.ru

Moscow University of Finance and Law

115191, Moscow, st. Serpukhov Val, 17, 1

The grounds and circumstances of the exile of the clergy of the Pereslavl diocese to the Nikolo-Solbinsky Monastery in the 18th century

The archive of the Pereslavl Ecclesiastical Consistory of the second half of the XVIII century, which is kept in the State Archive of the Yaroslavl region (GAYAO), has many documents of the consistory on canonical and other violations of the clergy of the Pereslavl-Zalessky diocese, established in 1744. Among the most common disciplinary violations among the priests and acolytes of the Pereslavl diocese were drunkenness, negligence in relation to the condition of the temple (as well as antimins, icons, altar utensils), quarrels, and sometimes fights, both with parishioners and with other clerics. It was not uncommon to omit divine services (including prayer services) on Highly Festive days (these included: name days and birthdays of the Empress, heir, grand dukes, as well as the day of coronation and accession to the throne). According to the established tradition and laws, the guilty clerics were obliged to be fined: either in monetary form (50 kopecks, 1 or 2 rubles), or by sending them into exile (“subordination”) to work (“to labor” or “to menial work”) in Nikolo-Solbinsky (most often), Danilov, Nikitsky, Goritsky monasteries and Lukyanovo deserts for different periods (from 14 days to six months). The Pereslavl bishops had the right, which was not infrequently applied, to adjust the consistorial sentences. Among the episcopal resolutions, the decisions of Bishop Theophylact (Gorsky) (†1788), one of the first prominent Russian theologians and preachers, were distinguished by the greatest balance and gentleness. The study of the archival material of the Pereslavl consistory made it possible to reveal a wide range of violations of the clergy, details of their morality and way of life, relationships within the parish clergy, the specifics of the punishment system, its production and location in the Pereslavl diocese.

Keywords: Pereslavl diocese, Alexandrov, Pereslavl-Zalessky, priesthood, consistory, cathedral, bishop.

...

For citation: Dmitriev G.S. The grounds and circumstances of the exile of the clergy of the Pereslavl diocese to the Nikolo-Solbinsky Monastery in the 18th century. *Theology: Theory and Practice*, 2024, vol. 3, no. 1, pp. 128–156. DOI: 10.24412/2949-3951-2024-0070

На хранении в Государственном архиве Ярославской области, в фонде № 1200, находится актовый материал Переславской духовной консистории, анализ которого позволяет определить структуру дисциплинарных нарушений клириков Переславской епархии и наказания за них. Российский епископат XVIII в., вынужденный соблюдать практику наследственной передачи священства и его места в приходе¹, избирал метод временного монастырского заключения клириков вместо телесных его наказаний и снятия сана. Согласно императорским и синодским указам (указы 1766, 1767, 1771 гг.), телесные наказания для священнослужителей были ограничены² и заменены в том числе исправительной ссылкой в окружные монастыри «под начало», «в труды». В Переславль-Залесской епархии³, учрежденной 16 июля 1744 г.⁴, основным местом таких ссылок был Никольский монастырь на реке Сольбе⁵, Лукианова⁶ и Введенская Островская пустыни.

В Николо-Сольбинской пустыни в 1760 г., вместе с настоятелем (строителем) и казначеем, было 16 монахов. В ведомости 1759 г. так и отмечено, что «за умалением монахов» в монастыре, не имевшем вотчин, служили и трудились в монашеских послушаниях «бельцы», т. е. присланное приходское духовенство. «Оным монашествующим и бельцам денежного и хлебного жалования ничего не производится, а довольствуются

1 «Не только семейства и роды наследственно привязывались к стоянию у престола Божия, но и самые эти престолы, т. е. храмы, попадали в обладание данного рода, т. е. становились родовыми церквами. «Чем это достигалось? Устройством при церквах собственных домов и усадеб. Эта собственность жилищ и усадеб прикрепляла к данному месту и к данной церкви целый род на бессрочном и неотъемлемом праве собственности... <...> Факт «церковновладельчества»... епископскую власть он лишил высшей свободы назначений нужных пастырей на нужные места. Приходилось терпеть личные и профессиональные недостатки во имя защиты интересов замкнутого сословия и даже просто семейных интересов данного рода. Епископату, как возглавителю замкнувшегося сословия, приходилось в первую очередь и преимущественно ревностно оберегать интересы элементарного житейского благоустройства по возможности всех членов сословия [Карташев, 2020. Т. 2. С. 444, 445. 448].

2 «Синодский указ 1767 г. воспрещал „духовным командам“ телесные наказания священников, „чтобы через оное не теряли они должного им по характеру пастырскому почтения от общества и паствы“. Высочайший указ 1771 г. распространяет это избавление от позора и на диаконов с мотивировкой: „от духовных командиров, равно как бы и в светских командах подлому народу, телесные чинились наказания, через что духовенство, а особенно священнослужители, теряли должное по характеру своему почтение, пастве же их подавался немалый соблазн и причина к презрению“. А недавно еще при архиерейских домах были для духовенства не только тюрьмы... но и оковы» [Карташев, 2020. Т. 2. С. 428]. Полное освобождение священнослужителей и их семей от телесных наказаний произошло лишь при имп. Александре I.

3 Количество церквей в новоучрежденной епархии к 1745 г. составляло: г. Переславль и уезд — 253 церкви (в самом г. Переславле 29 церквей, в округе — 134), Александрова слобода и Дмитров 139 церквей; всего 605 храмов, 15 мужских и 10 женских монастырей [Малицкий, 1912. С. 8, 182].

4 Переславская епархия (то же — Переславль-Залесская), структурное подразделение Российской церкви, с октября 1744 по 1788 г. была выделена из Московской епископии (учрежденной в 1742 г.). В состав Переславско-Дмитровской епархии входили юго-западные уезды Владимирской губернии. Переславская десятина была включена в состав Владимиро-Суздальской епархии и находилась в ней до 1919 г. В 1693 г. из десятины был отделен Александровский церковный округ [Добронравов, 1895. С. 5; Малицкий, 1912. С. 7, 8; Покровский, 1913. С. 373–375].

5 Монастырь основан в конце XV — начале XVI веков, до 1903 г. он был мужским. В Смутное время, примерно в 1609 г., был полностью уничтожен поляками и разбойниками. Монашеская жизнь прекратилась здесь на 100 лет. Возрождение обители произошло в 1710 г., когда по прошению архим. Варлаама (Высоцкого) владения бывшего Никольского Сольбинского монастыря разрешено было передать под ведение Борисоглебского монастыря на Песках. В 1742 г., по просьбе насельников, Сольбинская пустынь получила самостоятельность на условиях отсутствия пособия от казны и обязанности братии «довольствоваться своими трудами» [История монастыря].

6 Основана как пустынь ок. 1650 г. иеромонахом Лукианом (1654) — преп. Лукианом Александровским. В 1677 г. ее посетил царь Федор III Алексеевич, пожаловавший ей ок. 30 пустошей [Свирилин, 1860].

повседневной пищею и одеждою» [Малицкий, 1912. Приложение LXXVIII]. В приговорах о посылке провинившихся церковнослужителей часто отмечалось, что содержались они «на свой кошт», т. е. обеспечивали себя всем необходимым (едой, одеждой) не за счет монастыря.

Процедура следствия для церковников: взятие под стражу (или вызов), дознание, приговор, ссылка и т. п. — была отработана давно. Проводила этот процесс непосредственно духовная консистория, состоявшая из присутствия и канцелярии⁷. Членами присутствия в Переславской духовной консистории были представители черного и, как правило, белого духовенства — настоятели монастырей и соборов. В 1750-х гг. в составе консистории значились: архимандрит Никитского монастыря Нифонт, игумен Никольского монастыря (с 1733 г.) Иаков (Пивницкий), игумен Борисоглебского монастыря Никанор (1757 г.) [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 190. Л. 15 об.], в 1760-х гг.: настоятель Даниловского монастыря, ректор Переславской семинарии архимандрит Иоанникий (Микрицкий), протопоп градского (Преображенского) собора Иоанн Иоаннов (секретарь Николай Васильев с 1761 г.) (1762 г.), в 1770-х гг.: настоятель Даниловского монастыря, ректор семинарии архимандрит Иосиф, протоиерей кафедрального Успенского собора Афанасий Ильинский (1773 г.), в 1780-х гг.: игумен Никитского монастыря Иоанникий, протоиерей кафедрального Успенского собора Афанасий Ильинский, прот. Переславского градского собора Иоанн Иоаннов (1785 г.)⁸ [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 4. Д. 47. Л. 15; Оп. 1. Д. 60. Л. 1; Оп. 3. Д. 965. Л. 24].

В июне 1762 г. в Сольбинскую пустынь на полгода был отправлен священник села Крутец (вотчина С.И. Бутурлина) Никита Лаврентьев за подписание подложной инструкции о сыске в Москве беззачинных крестьян деревни Степково (с. Семеновское). В феврале 1762 г. староста и пятидесятский д. Степково послали крестьянина Никифора Игнатьева в Москву для «отыскания крестьян... для написания в нынешнюю наступающую ревизию», но до того велели ему прийти к попу Никите «ради написания к отысканию тех крестьян письма», которое тот составил и от имени Учрежденного собора лавры подписал [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 4. Д. 47. Л. 7–7 об.]. По прибытии в московский Богоявленский монастырь, приписанный к Троице-Сергиевой лавре, как и село Семеновское, Никифоров подал письмо подканцеляристу С. Крюкову. Вместо мирского приговора Крюков увидел «инструкцию Учрежденного собора», да еще и со своей подписью. Под караулом податель инструкции, признанной «подложной», был отправлен в лавру; было начато консисторское следствие, признавшее священника виновным в незакон-

7 «Каждый член присутствия отвечал за особый круг дел, т. е. имел, выражаясь канцелярским языком того времени, свой «стол», однако решения принимались на совместных заседаниях. Канцелярия находилась под руководством секретаря, который назначался Св. синодом по предложению обер-прокурора. Формально секретарь подчинялся епископу, но в то же время обязан был исполнять и указания обер-прокурора, который таким образом контролировал ключевой орган консистории» [Смолич, 1997. С. 553].

8 В 1769 г. — архимандрит Никитского монастыря Ферапонт, строитель Лукиановой пустыни иеромонах Иоанникий, кафедрального Успенского собора священник Афанасий Ильинский, секретарь Николай Васильев, канцелярист Семен Струнин [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 611. Л. 4]. В 1777 г. — настоятель Даниловского монастыря, ректор семинарии архим. Иосиф, игумен Никитского монастыря Иоанникий, строитель Лукиановой пустыни иеромонах Филарет [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 216. Л. 12 об.]. В 1781 г. — настоятель Даниловского мон., ректор Переславской семинарии архим. Иосиф, игумен Никитского монастыря Иоанникий, кафедрального Успенского собора протопоп Афанасий Ильинский [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 525. Л. 18 об.].

ном составлении и подписании документа. В приговоре консистория отмечала, что «непристойны для священнического чина мирские попечения», и обязала подпискою после освобождения из ссылки «впредь в правление вотчинных дел вместо земских не мешался, и единственно прилежно званию своему пребывал» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 4. Д. 47. Л. 13 об.]. Отпросившись на несколько дней домой («для собрания одежды») у строителя, иеромонаха Иоасафа, 18 июля священник Никита Лаврентьев из ссылки бежал [Там же. Л. 17].

В январе 1773 г. в Николо-Сольбинскую пустынь был сослан священник села Бунаково⁹ Андрей Захаров за незаконное, вернее, не по правилам подписание мирского приговора в феврале 1771 г. Ранее вышедшим императорским указом предписывалось «дворцовым крестьянам иметь мирские сходы при управителях делах, а не в селе и в деревнях, и приговоры подавать к управителям делам» с заверением чиновника, составлением копии, соответствующими подписями должностных лиц (сотских, десятских, старост) [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–1 об.]. Священник Андрей Захаров, приглашенный сотским Кириллом Харитоновым и десятским Андреем Сергеевым в его дом (с. Бунаково), подписал приговор крестьянам Андреевской волости («мирской приговор») о «не взыскании с крестьян за пожарную трубу и за безтяглых крестьян денег». Сотский и десятский просили настоятеля от имени жителей шести дворцовых волостей¹⁰, одоббивших приговор, «о рукоприкладстве». По убедительной просьбе выборных, не желая поначалу подписывать акт, Андрей Захаров поставил свою подпись, но «лишь за крестьян своего села Бунаково», не прочитав документ и не указав ничьих имен [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 60. Л. 10–10 об.]. Переславской духовной консисторией, по жалобе управителя дворцовой Александровой слободы Гавриила Лихачева «за вмешательство не в свои дела» священник А. Захаров был признан виновным и рекомендован к ссылке в Лукианову пустынь на месяц. Епископ Переславский и Дмитровский Геннадий¹¹ уже сточил наказание ссылкой в Сольбинский монастырь без права священнодействовать: «Отослать в Сольбинскую пустынь, ибо Лукианова далека, не на месяц, а на два» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 60. Л. 9–9 об.].

К созданию объемного следственного дела и значительным рокировкам в составе клира привело венчание крестьян Стефана Никифорова (д. Юрьева) и Феодосии Ивановой (д. Овсевская Кашинского уезда) 27 января 1767 г. в Борисоглебском погосте на реке Воронежке. За отказ участвовать в венчании крестьян настоятель храма Исидор Матфеев, будучи нетрезв, набросился на пономаря Ивана Родионова, стоявшего на левом клиросе и «не певшего Господи помилуй». Ухватив его за голову, отец Исидор «драл его за волосы» и, «ударив на отмашь локтем выбил зуб», отчего на помост попало три капли крови [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 565. Л. 4 об., 5, 17]. Пономарь также не бездействовал и пытался ударить священника деревянным затвором, но участники свадьбы разняли дерущихся, вынеся их из церкви, после чего «в озлоблении били Родионова по голове

9 Приписное село к дворцовому Ивановскому-Соболеву. Каменный храм построен ранее 1779 г. [Добро-нравов, 1895. С. 391].

10 Новослободской, Старослободской, Ивановской, Андреевской, Ирковской, Рождественской.

11 Геннадий (Кратинский) (†16.08.1773) — епископ Переславский и Дмитровский с 1768 по 1773 г., бывший архимандрит и ректор Московского Заиконоспасского училищного монастыря [Свирилин, 1860. С. 21].

и бокам» [Там же. Л. 4 об. — 5]. Закрыв лицо от ран, он вместе со вторым пономарем Михаилом Гавриловым поехал в село Заозерье к благочинному Андрею Герасимову¹², который, приехав в Борисоглебский погост на следующее утро, храм не осмотрел, но опросил свидетелей (в основном священников) и убеждал конфликтующие стороны примириться, не донося дело до консистории¹³. Но скандал стал известен и преподнесен в следующем виде: священник Исидор, 42 лет, по слабости зрения с ноября 1767 г. не совершал богослужения сам, а только пел молебны и читал молитвы жене-родильнице и причащал больных на дому. Все клирики подтверждали свое присутствие вечером (за два часа до полуночи) в означенном храме, пономари помогали Исидору Матфееву (хотя и немного выпившему) при первом венчании, но, когда тот попросил второго священника, Василия Афанасьева, обвенчать следующую пару без брачного обыска, а только по отпускному билету, оба пономаря удалились (Иван на левый клирос, Михаил — в алтарь, позже убежав из храма с вином для венчания. Ранее, утром, настоятель поручил ему составить брачный обыск, но тот его просьбу «позабыл») [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 565. Л. 4 об., 17]. Боясь раздраженных прихожан, иерей Василий Афанасьев продолжил чин венчания, а настоятель и его сын Дмитрий вступили в драку с пономарем, который сразу же доложил о том заказчику¹⁴. Священники погоста были отстранены от священнослужения, в конце февраля церковь осматривал, соскоблил кровь и освятил строитель Сольбинской пустыни иеромонах Митрофан [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 565. Л. 13]. По приказу консистории, в сентябре священниками Сигорского заказа был выбран новый благочинный — священник Федор Сергеев (погост Дмитровский, что в Кистьме); священник Василий Афанасьев, за совершение венчания без брачного обыска, и пономарь Иван Родионов — за попытку ударить настоятеля, были сосланы в Сольбу в работу на две недели¹⁵. Священник же Исидор Матфеев за драку и пролитие крови в церкви, за венчание брака без обыска был сослан в ту же пустынь на полгода (в работу, без священнослужения) [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 565. Л. 16.] Его сын вдовый Дмитрий, 22 лет, приговорен к битью плетьюми, но по докладу пристава Якима Васильева в консисторию для наказания «ослушанием с ним не поехал»; в марте 1769 г. он был произведен к Борисоглебской церкви во дьячка [Там же. Л. 36, 48]. В период следствия диакон данной церкви Егор Степанов успешно ходатайствовал о рукоположении его к тому же приходу во

12 «Приехав в часу во втором ночи, в дом его... тот вышебенной зуб и кровь на губах ему заказчику показывал» [Там же. Л. 21].

13 «Судебные дела, возникавшие в консистории по жалобе обиженных и не касавшиеся грубых нарушений церковно-богослужебной практики, обыкновенно прекращались лишь только лицо обиженное заявило о примирении с обидчиком» [Малицкий, 1912. С. 93].

14 Должность «закащика» (в Духовном регламенте «духовного фискала») была повсеместно учреждена, по Переславской епархии, епископом Амвросием (Зертис-Каменским) и часто совмещалась с должностью десятиначальника и «старосты поповского». Со времени Амвросия они стали называться также благочинными (во втор. пол. XVIII в. название «закащик» было вытеснено «благочинным»). Переславский церковный округ разделялся на четыре заказа: Александровский, Переславский, Сигорский и Серебужский, подчиненных переславской консистории. В обязанность заказчика входил, в частности, сбор окладных и неокладных денег и их доставка дважды в год в консисторию, опоздание наказывалось штрафами [Малицкий, 1912. С. 181–182, 185].

15 «Оные, живши урочные две недели у меня строителя и у братии все были они в послушании и жили добропорядочно», — сообщал о. Митрофан в рапорте 17.09.1768.

второго священника¹⁶, т. к. первый почти слеп, а второй по особому делу в ноябре 1768 г. («за не крещение и не отпевание младенца») был сослан на год под начало сольбинского строителя [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 565. Л. 4, 39–39 об.].

Накануне положенного по табелю богослужения в честь высокаторжественного дня (рождения наследника престола Петра Федоровича) 9 февраля 1755 г. иеромонахи Николаевского монастыря Марк и Феодосий, перелезая через ограду, вернулись в обитель в пятом часу ночи. По приказу игумена Иакова (Пивницкого) пьяные монахи были отведены «для смирения» в холодную башню и освобождены оттуда ко всеобщему бдению. Во время шестопсалмия, накричав на настоятеля («сварите меня в котле, кровь моя уже говорит»), Марк удалился в келью, но вечером снова был пьян [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 190. Л. 1–1 об.]. Феодосий же, «проспав всю заутреню на клиросе» служил раннюю литургию. Благодинный монастыря — игумен Иаков игнорировал просьбу архимандрита Филарета о наказании дебоширов плетью и, «стояв на своем месте, сказал: я муж духовный — духовным и наказую» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 190. Л. 1 об.]. На последующем допросе в консистории монах Марк объяснял свое отлучение с вечерней службы необходимостью согреться в келье (у печки) вследствие обморожения в холодной башне (по этой же причине он нагрубил настоятелю) [Там же. Л. 19 об. — 20]. Ранее он также за пьянство и «прочие многие его продерзости» был отправлен в работу в кафедральный Горицкий монастырь¹⁷. Следствие пришло к заключению о доказанности вины двух иноков — оба были наказаны шелепами¹⁸. За пьянство, особенно накануне высокаторжественного дня, и неотправление службы в тот день, за выход из монастыря без благословения игумена иеромонах Марк был сослан в Сольбинскую пустынь в работу на полгода¹⁹, за служение в нетрезвом виде иеромонах Феодосий — в Лукианову пустынь на год (до лета с него не снимали цепи) без права священнослужения [Там же. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 190. Л. 79–80]. После посещения Переславля архиепископом Амвросием в июле 1756 г. оба монаха были прощены и возвращены в Никольский монастырь с восстановлением священнослужения (Феодосий на полгода позже, чем Марк) [Там же. Л. 83, 88–89].

16 «Как я церковного дохода лишаясь и едва с домашними пропитание имею, так и приходские люди часто и в праздничные дни молитвословиями церковными не пользуюсь... а священника Василия Афанасьева для исправления мирских треб иногда за семь верст до другого священника ездить принуждены, будучи крайне негодуют и немалую в том принимают трудность. Сего ради приходские люди на место слепотствующего желают меня». Консистория одобрила выбор, но поставила условия собрать документально подписи прихожан и после этого рекомендовала его к производству во священники.

17 Монастырь основан Иваном I Калитой ок. 1337–1340 гг.; возобновлен в 1392 г. вел. кн. Евдокией (в схиме Ефросиния). С 1744 по 1788 г. — кафедральный монастырь Переславско-Дмитровской епархии. Упразднен в 1788 г., Успенский собор преобразован в приходскую церковь [Свирилин, 1860. С. 8, 9].

18 «Исключительным видом болезненных телесных наказаний, употреблявшимся среди духовенства и не переходившим в светские суды, представляется особый род плетей — шелепы — веревочные кнуты с короткими рукоятками... По тяжести шелепы стояли за плетями и соответствовали, приблизительно, батогам. В качестве карательной меры они назначались как духовенству, так и мирянам. Битье шелепами, как и батогами, разделялось на простое и нещадное» [Тимофеев, 1904. С. 277]. В XVIII веке право бить шелепами предоставлялось поповским старостам [Попов, 1904; Сергеевский, 1887. С. 288].

19 Для примера: в 1736 г. за неслужение в некоторые высокаторжественные дни архимандрит муромского Борисоглебского монастыря Феодосий был бит шелепами, сослан в иной монастырь на три месяца [Титлинов, 1905. С. 316].

Служение литургии и молебнов в высокаторжественные дни являлось неукоснительной обязанностью духовенства, неисполнение которой считалось серьезным преступлением не столько церковного, сколько гражданского характера, почему и влекло тяжелые последствия. В эпоху Елизаветы Петровны такими днями были: 18 декабря (день рождения императрицы), 25 ноября (вступление императрицы на престол), 25 апреля (день коронации), 5 сентября (день её тезоименитства), 29 июня (тезоименитство наследника Петра Федоровича) и 10 февраля (день его рождения), при Екатерине II: 21 апреля (день рождения императрицы), 28 июня (день вступления на престол), 29 июня (тезоименитство наследника Павла Петровича), 20 сентября (день рождения Павла Петровича), 22 сентября (день коронации императрицы), 24 ноября (тезоименитство императрицы). В викториальные дни вспоминались победы русского войска: 27 июня — победа под Полтавой (1709 г.), 27 июля — победа под Гангутом и Гренгаме, 9 августа — взятие Нарвы, 19 августа — победа над прусской армией — и некоторые другие дни [Табель высокаторжественных дней, 1766. Л. 1].

Священник села Заозерье Василий Иванов, овдовев, был поселён «на жительство для священнослужения» в переславском Николаевском монастыре. Покинув монастырь в высокаторжественные дни коронации императрицы Екатерины II, 23 и 24 сентября 1762 г., пропустив тем самым положенные службы (всенощное бдение, литургию), он появился «несколько пьяным» к чтению Апостола на молебне. За это он был переведен в Борисоглебский монастырь, что на горе, где также жил «непостоянно и пьянственно», отказываясь совершать богослужения из-за забывчивой болезни, наличие которой было опровергнуто²⁰ [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 566. Л. 1]. Из монастыря он был послан в Лукианову пустынь для постоянного жительства и работу на полгода. При неподтверждении у него «сумнительной» падучей болезни и при исправлении жития «за скудость иеромонахов» священнику было дозволено священнослужение. Так, в трезвости и послушании он провел четыре года, а 5 июня 1766 г. Василию Иванову был выдан паспорт сроком на одну неделю для приискания себе места в Московской епархии; по истечении срока «пашпорта» он был обязан прибыть в консисторию [Там же. Л. 1, 3 об.]. Но ни через неделю, ни через месяц отец Василий не объявился ни в Переславской, ни в Московской духовной консистории. Начальство было вынуждено внести его в списки «вовремя неявившихся или сбежавших священников», подаваемых в Синод. 18 сентября 1768 г. священник Василий Иванов появился в переславской консистории, вернувшись из Москвы, где жил в приходе св. Иоанна Воина, у старого убогого дома, «читая по найму Псалтирь по умершим» у княжны Авдотьи Ивановны Одоевской. Священнослужения и исправления треб, по его признанию, он не совершал, причащал же его настоятель той церкви Михаил Андреев [Там же. Л. 3–3 об.]. Иных подробностей, кроме временной ссылки с запрещением в священнослужении В. Иванова за «неявку в объявленный срок в Сольбинскую пустынь... до точного о нем решения», в данном деле не сообщалось.

20 Сам В. Иванов на допросе о такой болезни «отперся, яко такую болезнь показывал напрасно, которую он никогда не имел и не имеет».

В августе 1769 г. за систематическое пьянство, по доносу диакона и дьячка храма свт. Николая Чудотворца в бывшем Князь-Андреевском девичьем монастыре²¹, в Сольбинский монастырь был отправлен настоятель этого храма Иван Петров [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 611. Л. 2, 5]. Свой недуг священник от епархиального архиерея, епископа Геннадия, не скрывал, но уточнял, что «пьян бывает дня по три по четыре, а не повсегда», как доносили его подчиненные, а «мирские требы исправляет сам», а не приглашенные им многие священники. Спустя две недели, не выдержав целого месяца «немалых трудов» в пустыни, отец Иван просил епископа отпустить его домой, ссылаясь на необходимость заботы о несовершеннолетнем единственном сыне, но более на свои персональные тяготы: «по немолодым моим летам, паче же по непривычке с малолетства к тяжким трудам работать и земледельства исправлять не могу и не умею» [Там же. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 611. Л. 6–6 об.]. Взамен ссылки священник предлагал владыке наложить на него епитимью, которую он «всеусердно исправлять» обещался. По решению архиерея проситель был отпущен в Переславль с предупреждением о лишении священнического места за возможный «какой-либо проступок» [Там же. Л. 6–6 об.].

Настоятель церкви св. ап. Иоанна Богослова Иван Иванов²² 24 мая 1779 г. был замечен пьяным (в облачении) самим епископом Переславля Феофилактом (Горским)²³, совершавшим в тот день молебен в Никитском монастыре. Им же священник был сослан в Сольбу, в работу на два месяца, но через месяц прощен и допущен к священнослужению («для следующих торжественных праздников») [Там же. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 387. Л. 2, 7, 9].

В марте 1777 г. в Сольбинскую обитель по резолюции епископа Феофилакта «беспорядочного священника за непристойные его поступки, на полгода в работу, на его кошт» был сослан настоятель Казанского храма села Шеметово Василий Григорьев (†1780 г.). 4 августа 1776 г. отец Василий приехал в соседнее село Мергусово (Серебужский заказ) к дому священника Андрея Иванова, вытаскал и поломал в его саду 25 яблонь, при этом матерно обругав попадью и её дочь²⁴. (В 1768 г. этот священник уже посылался «в труды» в Островскую пустынь на год.) [Там же. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 216. Л. 11–12].

В том числе и за пьянство в августе 1779 г. в Сольбинскую пустынь был сослан клирик села Вертягино (Серебужского заказа) Степан Иванов (1755 г.р.), однако в официальном названии консисторского дела была указана основная причина «за потерю сосуда со святым миром» [Там же. Ф. 1200. Оп. 1 Д. 334].

21 Князь-Андреевский девичий монастырь, основанный при Никольском храме в конце XVII — начале XVIII в., в 1764 г. был преобразован в приход [Добронравов, 1895. С. 20, 45–46].

22 В 1753 г. он отправил ложный донос на священника и дьячка Козьмодамиановской церкви, «будто бы они во время службы подошли к нему и взявши за ворот» обвинили в опущении на ектенью имени наследника Павла Петровича. За ложь Ивана Иванова били плетью нещадно [Малицкий, 1912. С. 93].

23 Управлял Переславской епархией с 1776 по май 1788 г., с 6 мая по 9.09.1788 г. — епископ Коломенский и Каширский.

24 «Вышед из дому пономаря Алексея Васильева кричал во весь голос, называя мергусовскую попадью блядью и колдуньей, а дочь ее девицу Марину гнилою невестою, и в замужество негодною».

В апреле 1779 г. настоятель церкви Рождества Божией Матери села Вертягина²⁵ вдовый священник Фёдор Перфильев, 71 года, вместе с пономарем той церкви Степаном Ивановым²⁶ совершили крещение сына помещика сельца Михалева поручика Григория Козьмина Макарова в его доме. После обряда они возвратились в свое село, пройдя с помощью крестьянина Дементия Иванова (д. Романка) через реку Паршу [Там же. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 334. Л. 11, 11 об.]. На следующий день, собираясь идти на крещение к крестьянам с. Михалева, священником и диаконом было обнаружено, что сосуд со святым миром пропал. На допросе в переславской консистории выяснились интересные подробности: помещик Макаров угостил клириков тремя рюмками вина (по их словам — двумя), после чего священник ушел домой, не дожидаясь пономаря, который захмелел и, по его словам, при переходе через реку «шедши через лавы... оскользнулся упал», выронив («оборонив») и ящик с крестильным набором. Елей и ножницы были найдены им позже, вечером, после отогрева в соседней деревне Романки. Сосуд с миром был обнаружен крестьянином деревни Дубровки Харитоном Алексеевым, который, по утверждению того же пономаря, требовал за возврат пузырька три рубля [Там же. Л. 2].

Следствие пришло к выводу о ложных показаниях Степана Иванова в части утери священных сосудов: пономарь потерял святое миро, будучи в пьяном состоянии, не дойдя до реки Парши, а не при переправе через неё. Священник был обвинен в недосмотре за своим подчиненным («несмотрении за пономарем») и «неимении старания» о сохранности мира, пономарь же — в «крайнем небрежении и потере св. мира... от пьянства». За означенные поступки, а также за несправедливые показания при следствии консистория просила епископа «оштрафовать» клириков «посылкою под начальство... в черную работу» сроком на три месяца для священника и полгода — для пономаря [Там же. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 334. Л. 36]. Преосвященный Феофилакт снизил сроки пребывания в ссылке настоятелю до двух месяцев, пономарю — до четырех с пребыванием в Сольбинской пустыни (а не в Даниловой, как рекомендовала консистория) [Там же. Л. 37]. При этом мать С. Иванова вдовая пономарица Наталья Алексеева ходатайствовала перед владыкой о сокращении срока наказания для сына и досрочном его увольнении из пустыни из-за крайнего материального затруднения: «с семейством своим, и при мне сиротами, всего осмью человек, и со скотом... за неимением дров претерпеваем великую нужду и принуждены так скитаться по миру» (Епископская резолюция гласила следующее: «По важности своей вины неосвобожден будет пока не окончит определенного срока» 17.10. 1779) [Там же. Л. 38].

В декабре того же года сольбинский строитель сообщал о порядочном поведении пономаря за время ссылки. Оба клирика Рождественской церкви были отпущены домой (священник в октябре, пономарь — в декабре 1779 г.) с обязательством, что они «жи-

25 Деревянная церковь в честь Рождества с приделом свт. Николая Чудотворца существовала с XVII в. до 1795 г., в 1799 г. построена была новая, также деревянная. Приход состоял из села, деревень Горок, Михалева, Плотихина, Рупусова, Романки, Воронова, Македонки [Добронравов, 1895. С. 407, 409].

26 Пономарь Степан Иванов, исключенный из лаврской семинарии за неуспеваемость, безуспешно дважды просил переславского архиерея о посвящении в священники к церкви села Вертягина. Но «за неимением ему правильных лет» было отказано, на праздное же настоятельское место был назначен священник села Рождествено Федор Перфильев.

тие препровождать будут трезвенное и добропорядочное и от пьянства иметь крайнее воздержание, и в должности своей исправлены» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 334. Л. 40, 43].

В октябре 1776 г. за пьянство и непристойный поступок в Сольбу был сослан на шесть недель пономарь городской церкви Петра и Павла Андрей Петров, 40 лет [ГАЯО. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–3, 6].

В том же 1776 г. по доношению священника Карпа Григорьева из села Гольцова²⁷ за самовольное оставление прихода и неслужение викториального молебна в честь взятия Нарвы (9 августа) и положенных панихид диакон того села Сергей Никифоров был сослан в Лукианову пустынь на месяц, дьячок Григорий Ильин — в Никольскую пустынь на две недели с подпиской о дальнейшем исправлении в своей должности [ГАЯО. Д. 226. Л. 11, 12].

Священник села Спасского²⁸ Антипа Андреев (65 лет) был замечен, городским благочинным протоиереем Иваном Ивановым, пьяным на рынке г. Переславля 21 июня 1779 г. [ГАЯО. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–2]. И хотя, по утверждению настоятеля, он выпил «не более двух чарок вина», при наличии свидетельских показаний (пономаря Князь-Владимирской церкви Фёдора Фёдорова и других церковников) алкогольное опьянение его было очевидным — в июле он был отправлен в шестинедельную работу в Сольбинскую пустынь. Антипа Андреев был иереем со значительным дисциплинарным списком: в 1771 г. был сослан на два месяца в Никитский монастырь (за недопущение на исповедь жены дворового человека Егора Андреева, приказа дьякону «ударить её кулаком в шею» и недопущения прихожан ко кресту), в 1774 г. — в Лукианову пустынь сроком также на два месяца («за бой крестьянина Ивана и прочие наругательные поступки»), в 1776 г. — в Островскую пустынь на четыре месяца («за называние солдатки Ксении Михайловой блядью») [Там же. Л. 13]. По завершении ссылки в сентябре 1779 г. престарелый священник под расписку был отпущен домой и предупрежден о снятии сана в случае дальнейших непорядочных поступков²⁹ [Там же. Л. 14].

Настоятель церкви Преображения Господня села Смолнево³⁰ Киржачского уезда Петр Никитин, обвиняя своих подчиненных, диакона Гавриила Егорова и исправляющего должность дьячка бывшего священника Андрея Иванова³¹, в его избииении, инициировал тем самым крупное консисторское расследование [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 525. Л. 1–2]. В июле 1780 г. клирики села Смолнево отправились в Переславль для подачи брачных обысков. По пути, недалеко от с. Андреевского, церковники сбросили отца Петра с телеги и жестоко избивали [Там же. Д. 525. Л. 3]. Однако показания настоятеля разнились со свидетельством причетников его прихода, которые отрицали историю

27 Погост Никольский в Айгустове — древнее название села. В 1784 г. построена новая деревянная церковь в честь свт. Николая Чудотворца [Добронравов, 1895. С. 228–229].

28 Деревянная двухпрестольная церковь в честь преображения Господня и преп. Сергия Радонежского была построена стольником М.Н. Чемодановым в 1683 г. [Добронравов, 1895. С. 174].

29 Консистория напоминала о синодальном указе 19.11.1772 о лишении сана «за бесчиния, особливо пьянственных поступков».

30 Вотчина генерал-майора графа С.В. Салтыкова.

31 Сын священника Вознесенской церкви Ивана Федотова (г. Переславль-Залесский), родился в 1725 г. В 1745 г. был рукоположен во священника к тому же Вознесенскому приходу. После овдовения, в 1757 г., пострижен в монашество, из которого извержен, вместе со священным саном, в 1778 г. и определен к исправлению диаконской должности в с. Смолнево в декабре 1779 г.

о его избиении. 23 июля Петр Никитин, будучи пьяным, в грязной одежде, появился в доме престарелого священника Василия Семенова, где просил того об исповеди [Там же. Л. 20 об.]. Следствие выявило факт неоднократного нарушения порядка священником с. Смолнево: крещения младенца в пьяном состоянии, удержания денежной платы причту, содержание храма в полном небрежении («во всей церкви гниль, сор, паутина на стенах и на иконостасе, и образа все от прелости потускли») [Там же. Л. 52 об.]. Ко всему прочему, 27 июля 1780 г. было опущено положенное по табелю богослужение (литургия и благодарственный молебен) по причине пьянства всех клириков. Ложные показания друг на друга, в особенности утайка отмененного богослужения, явились отягчающими обстоятельствами дела. В 1781 г. священник Петр Никитин был запрещен в священнослужении на сорок дней и сослан вместе с дьячком, бывшим иеромонахом, Андреем Ивановым в Лукианову пустынь [Там же. Д. 525. Л. 67, 69]. Родной же его племянник диакон Гаврила Егоров был отправлен (без права служения) на работу в Сольбу на 20 дней. В случае дальнейших «непорядочных поступков» настоятель был извещен о возможном лишении сана [Там же. Л. 57].

25 июня 1779 г. благочинный г. Переславля священник Сергиевской церкви Афанасий Макарьев «усмотрел священника села Горок Ивана Андреева влекомого из питейного дома двумя человеками под руки безчувственно пьяного» и в тот же день священника Малая Брембола³² Владимира Михайлова «от беспечного питья валявшегося в лавках купеческих», которых и доставил в консисторию [Там же. Д. 415. Л. 1]. С февраля по май 1779 г. священник Иван Андреев уже находился в запрещении, но с мая ему разрешено исправлять мирские требы в с. Большая Брембола. Владимир Михайлов, 63 лет, также несколько раз был запрещен в священнослужении разными епископами: в 1764 г. за пьянство был послан на неделю в Никитский монастырь, в 1772–1773 гг. в течение года «был в трудах» в Сольбинской пустыни за незаконное подписание документов крестьянам (до истечения срока ему было разрешено служить, т. к. «трудился неленостно») [Там же. Д. 415. Л. 8 об. — 9]. В 1776–1777 гг. отец Владимир занимал дьяческую должность в храме 40 мучеников в Переславле, до того как снова не ушел в запой. После этого он был переведен к сыну, иерею Ивану, в село Малыгино [Там же. Л. 5 об., 6]. По решению епископа Феофилакта оба священника были сосланы на месяц в Сольбинскую обитель, но ради старости их, «поскольку работы сносить не в силах» были обязаны читать там Псалтирь, а после дать расписку с обязательством вести трезвенную жизнь [Там же. Л. 10 об. — 11].

В августе 1781 г. сроком в один месяц епископ Феофилакт заключил в Сольбу настоятеля Архангельской церкви села Константиновского Степана Михайлова. В своем доношении Переславская духовная консистория отмечала недоказанность его обвинения в пьянстве благочинным Серебужского заказа, настоятелем церкви Троицкого погоста на р. Вытараске Дмитрия Товаркова. Священник Степан Михайлов, 38 лет, по показаниям его и причта, «нечаянно всем корпусом занемог» в пятницу первой недели Великого

32 В 1766 г. в с. Малая Брембола вместо двух деревянных церквей (Воскресения Христова и Николая Чуд.) построена одна деревянная в честь Николая Угодника, в 1842 г. — каменная. В Бол. Бремболе трехпрестольная каменная церковь (в честь Троицы, Покрова Богородицы и пророка Илии), построена в 1706 г. на средства А.И. Янова [Добронравов, 1895. С. 94, 111].

поста и до среды второй недели болел [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 901. Л. 3, 5–6]. В среду он отслужил всенощную в доме соседнего помещика П.П. Дохтурова (с. Филисово), а с субботы возобновил службы в своем храме. Приходские клирики: диакон Федор Дмитриев, дьячок Иван Яковлев, пономарь Гаврило Федоров — подтвердили слова своего настоятеля, дополнив лишь, что «хотя и испивает, и то временно, в службе за ним никакие остановки не бывают». Данное обстоятельство не было учтено в вынесении приговора: по резолюции Феофилакта 24 августа священник Степан Михайлов был отправлен на четыре недели в Сольбинскую обитель «под строгий присмотр» [Там же. Л. 5, 7, 15, 19].

В ноябре 1784 г. в Николо-Сольбинский монастырь сроком на три месяца был отправлен «с запрещением в священнодействии» диакон из села Павловское³³ (Александровского уезда) Алексей Иванов. Настоятель церкви свт. Николая Чудотворца того же села Алексей Стефанов обвинял диакона в попытке кражи из его дома, но консисторское следствие выявило лишь факт пьянства, особенно в ночь на 11 мая 1784 г., когда Алексей Иванов в состоянии алкогольного опьянения оказался в доме священника, за что и был «послан в труды» [Там же. Оп. 2. Д. 885. Л. 1, 3, 28, 29, 30].

22 февраля 1785 г. благочинный г. Переславля протоиерей Иоанн Иоаннов «оказался по случаю» в Никольской церкви села Ярополч, где заметил паутину в алтаре и на стенах по всему храму, а также пыль и грязь на полу и лавках. Настоятель храма Фёдор Иванов объяснил это небрежением дьячка и пономаря, которые находились у него «в непослушании», о чем было устно объявлено серебужскому заказчику Николаю Александрову (с. Опарино), но тот требовал письменный рапорт [Там же. Д. 968. Л. 1–3]. В допросе дьячок Фёдор Фёдоров сказался в те дни больным «головой и ушами» и в силу этой причины невозможности своевременной уборки, но в целом переложил вину на пономаря Дмитрия Андреева, который не отпирался. За невнимание к просьбе настоятеля Никольской церкви серебужский заказчик был оштрафован на два рубля («на богоугодные дела»), дьячок и пономарь («за ненаблюдательство о чистоте церковной и за оказываемое пред священником непослушание») были сосланы в труды на две недели в Лукианову пустынь — первый, в Сольбинскую — второй [Там же. Д. 968. Л. 5–5 об., 6, 8].

В деле о временной отсылке в Сольбинскую пустынь диакона Якова Иванова в 1784 г. многие инкриминируемые ему обвинения (систематическое пьянство, драки, участие в земской службе и т. д.), переписываемые из рапорта в рапорт, оказались бездоказательны. Настоятель церкви Успения Пресвятой Богородицы села Даратников Гавриил Васильев, бывший благочинным Сигорского заказа, докладывал в консисторию о частых отлучках («по дню и более и неведомо где»), пьянстве на ярмарках, ссорах и драках на этих ярмарках³⁴ его подчиненного Якова Иванова [Там же. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–4].

33 Новая деревянная церковь в селе построена в 1783 г. вместо сгоревшей в 1780 г. Никольской церкви. В 1730 г. в приход был назначен новый священник, но «прежний причт встретил нового сочлена недружелюбно: в доходах и земле законной дани ему не давал и водворять его пришлось при помощи чинов переславского духовного правления» [Добронравов, 1895. С. 382].

34 Благочинный сообщал о драке, происшедшей 22.06.1771 в селе Нагорье между диаконом и старостой д. Березников (вотчина полковника И.И. Нарышкина) Гаврилой Артемьевым. Яков Иванов, напротив, утверждал о нападении на него Гаврилы с палкой и его сына после слов клирика: «Хорошо ли в Переславль съездил?» — воспринятой крестьянином как насмешка [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 88. Л. 14–15].

Все обвинения, особенно в пьянках и драках³⁵, диакон отрицал, а неслужение литургии и молебна 19 августа 1771 г. объяснял необходимостью отвести тестя, священника Сергия Федорова, в его село — Елпатьево; о совершении молебна и месячной панихиды диакон не знал в силу неопределенности времени их проведения [Там же. Оп. 1. Д. 88. Л. 2, 5]. По указу императрицы дело расследовал строитель Сольбинской обители иеромонах Алипий, подвергший сомнению предвзятые обвинения заказчика. Доказанная вина диакона состояла в отсутствии на благодарственном молебне 19 августа по случаю победы над прусским воинством, в частом посещении крестьян д. Твердилово для помощи им в написании и чтении документов. Консистория рекомендовала епископу Геннадию отправить диакона в Сольбу на месяц, «чтобы он не в свои дела не мешался, а знал церковную должность и жил посмирнее», что и было исполнено 18 марта 1773 г. [Там же. Л. 17 об. — 19, 21].

За совокупность проступков, а именно частых отлучек с прихода на несколько дней без ведома и разрешения священника Тимофея Яковлева, недостаточного ему послушания (опоздания на службу, несвоевременное колокольное благовестие и обеспечение водой, игнорирование замечаний), ссору и матерную брань с дьячком, пономарь церкви Живоначальной Троицы села Дубнево Семен Осипов в феврале 1784 г. был отправлен в Сольбинский монастырь в работы сроком на два месяца [Там же. Оп. 2. Д. 869. Л. 75–76 об.]. Духовная консистория признала источником конфликта между зятем, Семеном Осиповым (28 лет), и тестем, второбрачным Алексеем Евстихеевым (70 лет), удержание части приданого, указанного в росписи от 16.10.1778 г., данной престарелым дьячком («образ Всемиловитового Спаса посеребренный, кокошник половинчатый с верхом камчатый, крест серебряный, чулки шерстяные, войлок двоеспальный»), продолжением чего и явился имущественный спор с последующими скандалами (ссорами, драками). По решению архиерея дьячок обязывался выдать пономарю положенное приданое, но самого пономаря временно удалили в монастырь³⁶ [Там же. Л. 25–26, 76 об. — 77].

Немногим ранее, в 1776 г., родной брат Алексея Евстихеева священник Никита Евстихеев (52 лет) вступил в конфликт с крестьянской общиной села Половецкого (бывшая вотчина Никитского монастыря, состоявшая из 69 приходских дворов)³⁷, выборный которого Герасим Гаврилов просил епископа Антония о защите от буйного пастыря, «от нападения которого стало жить уже никак невозможно» [Там же. Оп. 1. Д. 211. Л. 1–1 об., 15]. Консистория докладывала архиерею следующее: накануне Ильина дня, 19 июля 1776 г., в село с пастбища возвращалась скотина и небольшой табун, одна из крестьянских лошадей «взыграла» и забежала на поповскую озимую землю (репище).

35 Среди прочих приписываемых ему стычек речь шла о ссоре и последующей драке с крестьянином д. Твердилово Григорием Потаповым после молебна, совершенного в доме Сидора Козмина. На трапезе, состоявшейся позже, диакон и крестьянин поспорили о лошадях, затем перешли и на личности [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 88. Л. 5, 8].

36 Свидетельство дьячка и его сына о драке с пономарем и взаимное обвинение доказано не было. Алексей Евстихеев жаловался об отнятии имущества (ржи, муки), оскорблениях, Семён Осипов утверждал, что относится к тестю по-отцовски, с почтением, а тот обзывает его конокрадом и блядуном и не отдает ему часть имущества. Оба причетника жили в одном доме.

37 Приход состоял из деревень: Акулова, Поляны, Скоморохова, сельца Андреевского. Деревянная церковь построена в 1711 г. в честь Рождества Богородицы, в 1770 г. храм перестроен, появился придел св. пророка Илии [Добронравов, 1895. С. 121].

Сыновья настоятеля дьячки Иван (34 лет) и Антон, пономарь Афанасий и Алексей Никитичи, заметив это, стали бить нанятого пастуха Арефея Яковлева (из с. Рахманово) по голове и по бокам, особенно усердствовал дьячок Антон, братья же подбадривали его: «Бей хорошенько, ты не нашей епархии, тебе ничего не будет». Пастух получил тяжелые увечья («лежал при смерти, и в здравие прийти еще не может»), староста срочно собрал крестьянский сход («мир»). Пономарь Александр Дмитриев, придя в дом крестьянина Алексея Анофриева, где священник совершал молебен, сообщил тому о драке и мирском сходе («детей его хотят бить»). «Выбежав озорным образом» к месту собрания, Никита Евстифеев, с крестом в руке и в епитрахили, начал кричать на крестьян. Герасим Гаврилов и Иван Игнатъев попытались его усовестить, говоря, что «дети его озорничают и бьют пастуха, чтоб впредь детям его таких озорничеств чинить не велел» [Там же. Оп. 1. Д. 211. Л. 1 об., 8 об.]. В ответ священник схватил Ивана Игнатъева за волосы и стал бить его по щекам. Иван Степурин, чиновник переславской провинциальной канцелярии, гостивший в Половецком, предпринял попытку его остановить, крестьяне, впрочем, вспомнили лишь о его «невнятном умствовании» вместо действия («Степурин проговаривал ему: с крестом и в епитрахили драться нехорошо»). Пресвитер, как и многие оказывавшиеся под следствием консистории, вину свою отрицал, предъявляя встречные жалобы и ходатайства, бывшие, как правило, лжесвидетельством с целью самозащиты от наказания. Никита Евстихеев сам, по его утверждению, подвергся насилию от упомянутого крестьянина Ивана Игнатъева, который со словами: «Разговорился ты, попёнка, мы и тебе бороду повытаскиваем», взял его за ворот и «стал трясти, браня по матерны». «Как ты, дурак, отца духовного ругаешь, да еще и бить хочешь, тебе и словом обидеть не должно», — отвечивал ему настоятель, удаляясь домой. В доказательство своей версии отец Никита ссылался на священника Матвея Петрова и пономаря Петра Иванова (с. Рославлево), дьячка Алексея Евстихеева, приходившихся ему родственниками [Там же. Л. 2 об. — 3, 11]. Весной того же 1776 г. епископом Антонием священник Никита уже был «оштрафован посылкой» в Сольбу на месяц за невыплату пономарю денег и «отправление служб со своими детьми, определенными в другие сёла и за держание тех детей при себе». Но ради праздника Пасхи и страстных дней Евстихеев был отпущен домой раньше срока [Там же. Л. 15–15 об.]. Также благочинный того округа (Иринарх) сообщал начальству о церковном небрежении: образ Спасителя был написан неискусно, «сосуды оловянные неисправные, на престоле покров бумажный, три ризы ветхие, кропила и для благословения хлебов стола нет». За это с настоятеля был взят штраф 3 рубля [Там же. Л. 15 об.].

За побои, нанесенные пастуху, причетники были переданы «в светскую команду», т. е. на рассмотрение уголовного суда; священник Никита Евстихеев был признан виновным в драке с крестьянином Иваном Игнатъевым, «не приведением к благосостоянию своих детей» и, по рекомендации консистории, сослан в работу в Сольбинскую пустынь 8 декабря 1777 г. на два месяца «без священнослужения», которое разрешалось

ему только после примирения с прихожанами и лично с пастухом Арефеем Яковлевым при свидетельстве благочинного³⁸.

На более длительный срок, в феврале 1779 г., в Сольбинскую пустынь был заключен лишенный сана диакон Иван Васильев из села Мякишево. После оставления прихода без благословения настоятеля в марте 1769 г. Иван Васильев оказался под следствием сначала в провинциальной канцелярии (где его и обнаружили епархиальные власти в начале апреля), в которой провел полгода, затем в духовной консистории, где содержался два года. В апреле 1771 г. он был отпущен в свой приход, «доколе из канцелярии дано будет знать виновен ли он в чем или нет» [Там же. Оп. 2. Д. 615 А. Л. 1–1 об., 9 об.]. В июне 1775 г. по инициативе переславской провинциальной канцелярии после проверки старых дел (промеморий) дело было возобновлено. В докладе епископу Феофилакту приводились показания диакона Ивана о причинах оставления им прихода в 1769 г. 23 марта он отлучился «с ведома священника» в Троицкую лавру к иеродиакону Арсению для получения денег, откуда отправился в Александровскую слободу. Не доходя до села Слотино, возле деревни Бобошино «наехали на него незнаемо какие люди и взяв с собою научили, чтобы он диакон сказал на себя, что он был с ними для выемки корчемного вина в доме пономаря погоста Ильинского», после отказа его «били топунками и за волосы драли и заведши в село Слотино в кабаке держали по 31 число марта», после чего канцелярии поручик И. Филимонов доставил его в Переславль, где сутки продержал на цепи и отпустил в духовную консисторию. Выслушав клирика, консистория сочла показания «несправедливыми» и, «увещевав показать истину», допросила повторно [Там же. Л. 3–3 об., 4].

23 марта 1769 г. диакон Иван Васильев, по его словам, посещал деревню Редриковы Горы для покупки корма для скота. Не обретя такового, повернул домой, но по дороге возле деревни Дубны «наехал» на него пономарь Алексей Иванов (погост Ильинский на Грязях), велевший сесть ему в сани. Не доехав до с. Корелы, оба заметили преследование их целовальниками³⁹, «почему пономарь ударил по лошади, которая побежавши прытко, вывалила их обоих из саней, и с боченком с вином, о коем диакон, когда садился не знал» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 615 А. Л. 4–4 об.]. Пономарь вернулся в сани и уехал, оставив Васильева с бочонком вина. Священного его доставили в Переславскую питейную контору, откуда повезли на осмотр (изъятие. — Авт.) корчемного вина в погост Ильинский, но не довезя, его оставили в д. Неелово, сами же уехали.

24 марта 1769 г. диакон И. Васильев был в Переславле-Залесском, признался он после увещевания начальством и отказа от первых двух показаний. Купив воз корма для скота, он зашел к знакомому целовальнику Якову Петрову в семеновский питейный дом, где сообщил, что вместе с диаконом Иваном Андреевым (с. Гагино), будучи в гостях у иеродиакона Троицкой лавры Севариона (Серапиона), узнал о наличии корчемного питья у пономаря Алексея Иванова (погост Ильинский). Целовальник отвел

38 Иеромонах Иринарх отмечал позже в своем рапорте, что сам ездил в Половецкое и был свидетелем примирения священника с прихожанами, который «с оными по христианской должности примирился». 15.02.1778 г. в Переславской консистории с Никиты Евстихеева была взята расписка о том, что он впредь «ни с кем драться и ссориться не будет, под опасением указанного штрафования».

39 В данном случае имелись в виду судебные приставы, исполнители.

его к коронному поверенному Якиму Шульгину, и тот отправил его в погост с заданием приобрести это вино. Вместе с диаконом И. Андреевым они купили вино у пономаря, там же, в его доме, пили. Из с. Гагина Иван Васильев приехал в деревню Дубна (в питейный дом), где встретил сержанта команды коронных поверенных П. Алексева, взявшего его, еще восемь целовальников и поверенных для изъятия алкоголя у пономаря погоста Грязевского. Добравшись до д. Неелово, диакона оставили у старосты, а сами отправились к церковнику. «Вынувши вина у пономаря привезли боченок, на пример ведра с три с половиною, и того пономаря Алексея Иванова в деревню Неелову... и по вечеру из того боченка и вино пили» [Там же. Д. 615 А. Л. 5 об. — 6]. 25 марта, на Благовещение Пресвятой Богородицы, команда собралась выезжать в село Слотино, но на середине деревни их встретила толпа крестьян и с криком «В дубье ребята!» накинулась на них. Алексея Иванова вытащили из саней, целовальники разбежались. Разгоряченные нееловские крестьяне преследовали компанию до питейного дома с. Слотино, но там многих из них арестовали. 30 марта поручик И. Филимонов отвез задержанных в Александрову слободу, затем в Питейную контору Переславля, откуда диакон И. Васильев был отпущен в начале апреля.

В докладе консистории был отмечен факт нападения на дом пономаря погоста Ильинского на Грязях Алексея Иванова в ночь на 25 марта 1769 г.: «В самую полночь незнамо какого звания люди разбойнически приехали в погост на трех парах и вломившись усиленно в дом пономаря Алексея Иванова... имеющимися у них в руках дубинами прибили и голову испроломали, так и во многих местах по рукам порезали, и по телу испрокололи, отчего едва имеется жив»⁴⁰ [Там же. Л. 1–1 об.]. Пострадавший рассказывал, что ночевать к нему попросились человек с десять неизвестных, а после отказа вломились в дом и стали требовать ключи от церкви, которых он им не дал, после чего «били его смертно дубинами и кистенями, и ножами кололи и резали». Его родной брат, настоятель Иван Иванов, сообщил консистории об обыске у него и всего причта домов 31 марта и о допросе о наличии корчемного вина [Там же. Л. 2–2 об.].

Следствие канцелярии и консистории, длившееся несколько лет, возобновленное в 1775 г., при всей запутанности показаний, особенно главного обвиняемого — диакона Васильева, пришло к основному выводу о причастности диакона к ложным показаниям и доносам на диакона Ивана Андреева, пономаря Алексея Иванова⁴¹, крестьянина Степана Федорова (д. Щелканка) и других лиц, которые вызывались в консисторию и канцелярию и были допрашиваемы по нескольким дням и более. Показания диакона были охарактеризованы как «невероятные», «несправедливые», «непорядочные» и «ложные» [Там же. Оп. 2. Д. 615 А. Л. 9 об., 10, 11]. По доносу Васильева о корчемном деле в 1770 г. были вызваны в канцелярию и заключены, но оправданы и отпущены диакон с. Степанчиково Марк Петров и его теща⁴².

40 При осмотре в консистории было выявлено: «Голова в двух местах проломлена, на левой лопатке в двух местах и на левом паху проколото... мягкие места весьма много порезаны» [Там же. Л. 1–1 об.].

41 «В корчемстве винном точно не доказан и ничем не обличен» [Там же. Л. 9 об.].

42 «От чего великое приняли изнурение и дом пришел в крайнее разорение» [Там же. Л. 13].

За ложные доносы, самовольное отлучение из прихода в 1769 г. и в иные годы, необоснованное истребование денег со священника, по рекомендации духовной консистории с Ивана Васильева был снят священнический сан. По государственным законам за ложное доносительство по корчемному делу Васильева полагалось отправить в ссылку⁴³, но, щадя его семью (вместе с женой состоявшей из шести человек), переславский архиерей послал его на год в Сольбинский монастырь, после чего тому разрешалось вернуться в село Мякишево на должность дьячка [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 615 А. Л. 16–17].

В ноябре 1780 г. за ложное свидетельство на диакона, на один рубль был оштрафован дьячок церкви великомученика Георгия села Ильинского (Киржаской округи) Иван Евдокимов, который доносил архиерею о запрещении диаконом просфирнице Елене сдавать ему внаем землю [Там же. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–1 об.]. Но самого диакона Якова Борисова, 53 лет, в том же году сослали в Николо-Сольбинскую пустынь сроком на два месяца. Поводом послужил его конфликт с дьячком и прежние ссоры с начальством. С начала 1760-х гг. диакон находился в ссоре со священником села Ивановское, где и служил, Петром Алексеевым. По его жалобе 10 октября 1765 г. диакон Яков был отослан в Никитский монастырь на два месяца «за худое его состояние и неповиновение священнику и за поносительство священника всякими непотребными словами» [Там же. Л. 16 об.]. В 1769 г. оба клирика подавали в консисторию друг на друга доносы («бранил его священника всякими скверными словами», забил «де его свинью и самого его на нож обещал посадить», а священник «де отравил его свинью, перешиб у поросенка ноги») [Там же. Л. 17]. Конфликт продолжился и при сыне священника Иване Петрове, ходатайствовавшем о переводе с прихода диакона в декабре 1775 г. (однако, временно в служении оба они были запрещены). От своего места диакон был отрешен и запрещен в служении до того времени, как найдет себе новый приход. В марте 1776 г. власти позволили ему исправлять дьяческую должность в том же с. Ивановском, но по настойчивой просьбе настоятеля и прихожан, «за непристойное поведение и ссоры» сын его Флор был высечен, а сам он назначен диаконом в село Ильинское, в котором также не ужился [Там же. Л. 17–18, 18 об.]. 11 ноября 1780 г. диакон Яков Борисов прибыл в Сольбу для работы под начало на два месяца на свой кошт [Там же. Л. 29].

В январе 1778 г. в Александровское духовное правление с жалобой на священника села Семкова Петра Григорьева обратился священник Пётр Иванов (погост Андреевский). 25 декабря 1776 г. оба они, а также священник села Панкова Семен Афанасьев, дьячки и пономари этих сел (дьячок Михаил Федоров, пономарь Андрей Егоров, дьячок Федор Лукин и др.) (все из Киржачского уезда) присутствовали на праздничном обеде по случаю Рождества Христова в доме помещика секунд-майора Андрея Александровича Воейкова (с. Панково). Позже всех на славление пришел Петр Григорьев с сыном — дьячком Матвеем, довольно нетрезвый⁴⁴. За трапезой означенный священник выпил еще вина и пива и, «охмелев» заявил, что Пётр Иванов «в его доме, крестил кутенка, вместо младенца» [Там же. Оп. 1. Д. 501. Л. 2]. После Богоявления в конце января Пётр

43 Соборное Уложение, 2-я глава, пункт 17, 25-я глава, пункт 4, Устав о курении вина 10.08.1765 г. 1-я гл., пункт 9; 3-я гл., пункт 5 [Там же. Л. 14–14 об.].

44 Испивший до того в доме подпоручика Ивана Андреевича Воейкова «рюмок с пять» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 501. Л. 7, 44, 46].

Иванов подал жалобу, но еп. Феофилакт узнал о ней лишь в октябре 1780 г. Причиной тому послужила должностная халатность⁴⁵ членов духовного правления, не отправивших вовремя доклад в консисторию. Протопопу Рождественского собора Иосифу Александрову и диакону Богоявленской церкви Андрею Кохтеву был вынесен выговор и штраф, в том же 1777 г. в духовном правлении при свидетелях⁴⁶ Григорьев принес оклеветанному свои извинения [Там же. Д. 501. Л. 56]. 14 декабря 1780 г. священник Петр Григорьев был отправлен в Никольскую Сольбинскую пустынь без священнослужения на восемь месяцев (до окончания срока был помилован и возвращен в свой приход по ходатайству И.А. Воейкова) [Там же. Л. 74, 76, 76 об].

В 1750 г. священник самого села Панково Егор Петров был наказан битьем плетьюми и ссылкой в Сольбу на два года за ослушание и консистории и заказчику, непредставление в Александровское правление денег на семинарию и исповедных ведомостей. В отношении него было решено: «дабы означенный пришел в подобающее исправление запретить ему священнослужение и определить в монастырь на работы» [Малицкий, 1912. С. 89]. Попадья исходатайствовала у владыки Серапиона (Лятошевича) временный отпуск, «чтобы с такой ватагой не помереть с голоду». Но в ноябре 1750 г. иерей Егор Петров в монастырь не явился, а после взятия его под стражу сторожем, потом двумя сторожами, затем солдатами бежал и был с трудом сыскан в мае 1752 г.⁴⁷ Консистория предложила наказать его плетьюми и сослать в Сольбу на два года, но епископ Серапион изменил место ссылки на городские монастыри «Борисоглебский, что на песках, или Святониколаевский, что на болоте, где сверх работ на всякой заутрени, обедне и Божественной литургии, через тот целый год, поклонов он полагал бы до земли по 50» [Там же. С. 91].

В 1780 г. на короткое время в Николо-Сольбинскую обитель, «за непорядочные поступки во время пребывания в должности благочинного» был сослан священник села Хребтово Андрей Иванов. Будучи заказчиком, он был обвинен священником села Иудино Петром Васильевым в утаивании («незаписывании») совершенных венчаний и повышенных сборов за них, особенно за вторые браки. Он был оштрафован на 62 рубля [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 445. Л. 1–4, 76; Оп. 2. Д. 350. Л. 1–10 об.]. В 1755 г. А. Иванов наказан плетьюми за несвоевременную явку в Переславскую духовную контору [Малицкий, 1912. С. 179].

45 Черновой вариант доношения Петр Иванов взял себе (этот вариант и был доставлен архиерею), белый вариант был впоследствии и вовсе утерян из-за переезда правления в другое помещение, а в промежутках между переездами бумаги находились в доме протопопа Иосифа. До рассмотрения дела в консистории член правления Андрей Петрович Кохтев в первую неделю Великого поста 1777 г., когда жалобу следовало отправить в Переславль, отбыл к своему отцу иеромонаху Троицкой лавры Патермуфию, затем в 1779 г. отпросился в Данилов монастырь для возможного принятия пострига, но, не приняв монашества, покинул Переславль и подал прошение об отставке из правления. Из-за такой беспечности официальный вариант жалобы был утерян [Там же. Л. 42 об., 54–55, 62, 64].

46 Священнику — 10 рублей, диакону — 5 руб. [Там же. Л. 8 об., 56 об., 58, 62].

47 «Сторож сыскал Егора Петрова, но на дороге оны поп... сторожу сказал: я де с тобою не иду в консисторию, а взять тебе меня силой нельзя, ибо и ты и я один, — кому удастся? ...и возвратился домой» [Малицкий, 1912. С. 89].

В 1781 г. священнику Рождественской церкви г. Александрова, благочинному Александровского округа (заказа) Ивану Зубатову было поручено следствие по жалобе диакона с. Слотино⁴⁸ Ильи Алексеева на пономаря того же села. Сын священника пономарь Григорий Иванов (29 лет), питая вражду к назначенному в октябре 1780 г. новому диакону, считая себя незаслуженно обойденным, старался восстановить против него местное население; как инструмент использовались угрозы и клевета [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 527. Л. 2–4 об.]. По показаниям Григория Иванова, 11 декабря 1780 г. диакон приехал в село вечером пьяный, с подбитым красным глазом, отправился ночевать к вдовой диаконице Анне Дмитриевой. Придя к ней в избу, пономарь заметил диакона, пытавшегося поцеловать вдову; в разговоре он предложил Алексееву пожертвовать часть доходов («малую долю») в пользу бедной вдовы. Диакон ответил ему грубо: «Смеешь ли ты мне плут и каналья говорить, я прислан сюда... архиерейское око. Доехать до Переславля и духа твоего не попахнет» и приказал покинуть дом [Там же. Д. 527. Л. 4 об.]. Показания на допросе истца и ответчика, а также их свидетелей резко отличались. Потерпевшей стороной показывал себя диакон: приехал он в Слотино не пьяным (т. к. вообще не пил), еще с улицы пономарь начал провокацию неучтивым приветствием⁴⁹, в избе диаконицы прервал молитву: «Погоди диакон правило читать, что очень богомолен? Поговори сначала», стал требовать от него выдавать диаконице часть дохода и пытался схватить его за ворот, но диакон, взяв каноник, убежал к священнику Ивану Иванову. По дороге к дому крестьянина Федора Лукьянова, к которому он отправился на ночёвку, за диаконом гнались два человека, которых в темноте он не разглядел [Там же. Д. 527. Л. 7–7 об.]. В свидетельстве своих показаний пономарь, среди прочих, ссылался на диаконицу Анну, приходившуюся ему «двоюродной снохой», престарелую диаконицу Феклу, являвшуюся ему бабкой по матери, диакон просил в доказательство заслушать «стоговского священника» Ивана Иванова, дьячка Никиту («т. к. он от них приехал в Слотино») и крестьянина Ф. Лукина [Там же. Л. 7–8, 8 об.]. Допросы велись долго и сложно: ложные показания, преувеличения, замалчивания были с обеих сторон. В 1781 г. консистория пришла к выводу о невинности диакона, которого все же пришлось перевести для службы в другой приход (с. Аргуново), пономаря Григория Иванова, по ходатайству его и отца, «переименовали в дьячка», но, в завершение дела, 26 июля 1785 г. по решению епископа Феофилакта «дьячка слотинского за все, чинимые им продерзости и непорядки» сослали в Сольбинскую пустынь на два месяца [Там же. Л. 29].

31 мая 1784 г. в консисторию с жалобой на дьячка Ивана Лукьянова обратился настоятель церкви села Любилова Фёдор Сергеев, 40 лет (Петровский уезд, храм Рождества Пресвятой Богородицы, 49 дворов, вотчина поручика Ф.Н. Языкова). Во «всепокорнейшем прошении» священник отмечал частые (до недели и более) отлучки с прихода, без его согласия и ведома, непослушного дьячка Фёдора, его ссоры с пономарем, зя-

48 Село Слотино Александровского уезда входило в Кинельскую волость и считалось дворцовым селом. В нем останавливалась Екатерина II; по мнению некоторых историков, в селе был казнён кн. Владимир Андреевич Старицкий. В 1822 г. вместо деревянной была построена каменная церковь с двумя приделами [Добронравов, 1895. С. 464].

49 Учтивым образом, по версии пономаря, «Здравствуй честный диакон!», «Издали кричал ему пьяный: здравствуй дьякон!» — по словам И. Алексеева [Там же. Л. 3 об., 6].

тем настоятеля, Александром Даниловым (17 лет) и обвинением самого настоятеля в сожжении церковных принадлежностей (св. престол, Евангелие, антиминос и кресты)⁵⁰ [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 890. Л. 1–1 об.]. «Оное означенное прошение, — отвечал на дознании дьячек, — священник подал по злобе, ибо он, по поданному на него, священника, прошению, в 1780 г., за пьянство и служение в Высокоторжественные дни, находился под началом в Лукиановой пустыни пол года» [Там же. Л. 3 об.]. В июне 1780 г. пономарь, впоследствии дьячок, И. Лукьянов, 25 лет, донес консистории о неслужении священником в высокоторжественные дни всенощной и литургии (в день рождения и день восшествия на престол императрицы Екатерины II, в день рождения великого князя Константина Павловича), «в пьянстве и изbleвании» и сокращении службы 29 июня (в день рождения наследника Павла Петровича) [Там же. Л. 50 об., 53]. По этому делу Фёдор Сергеев был сослан в Лукианову пустынь в работы на полгода (с сентября 1780 г. до апреля 1781 г.) [Там же. Л. 53].

В конце осени 1779 г. Иван Лукьянов был переведен из пономарей в дьячки, после того как Иван Сергеев, брат настоятеля, был исключён из причта по доношению священника. Оба брата взаимно обвиняли друг друга в пьянстве и драке в храме во время крещения. Фёдор Сергеев был запрещен в священнослужении и сослан на два месяца в работу и на свой кошт в Данилов монастырь [Там же. Л. 49 об. — 50]. Консистория обязала переславского заказчика, священника Борисоглебской церкви Ивана Фёдорова, всех лиц, указанных в доношениях по делу 1784 г. (пономаря, сотского, церковного старосту, бурмистра, десятского и прочих), «обстоятельно по всем пунктам допросить». При свидетельстве более пятнадцати крестьян, вина клириков Рождественского храма, по преимуществу священника, была вполне доказана. 25 апреля 1785 г. духовная консистория приговорила священника Фёдора Сергеева за «ложный на дьячка донос, якобы в непослушании ему, неблагопристойное учиненное в церкви, в научении крестьян д. Коврова и д. Коленова бить дьячка смертными побоями... и прежде всего за пьянство... следовало его лишить священства, однако в чаяние его исправления негодно ль будет Вашему Преосвященству оставить его в сем настоящем чину и оштрафовать его ссылкой» [Там же. Л. 58–58 об.]. Дьячек же Иван Лукьянов, который, по показаниям прихожан, «одобряющих его поведение» «к заутреням и литургиям всегда приходит к началу... пономарскую должность в будние и праздничные дни почасту исправляет» признан виновным в поношении своего священника, а пономарь — в частых отлучках в гости, вместо которого дьячок «должность и исправляет». Епископ Феофилакт одобрил решение консистории: Фёдор Сергеев, под расписку о «последующем непременно исправлении» и снятии сана в противном случае, был сослан в труды на полгода в Лукианову пустынь с запрещением служить. Пономарь и дьячок были сосланы в Сольбу на месяц, обязав их «наистрожайшими подписками... впредь перед священником никаких ослушаний и паче поношений не чинил... от церкви, кроме самонужнейших надобностей, да и то по отпуску священника, никуда отлучек не имели, под опасением за то неопустительного штрафа» [Там же. Оп. 2. Д. 890. Л. 58 об. — 59].

50 «Всепокорнейше прошу... меня защитить и за непослушание его, дьячка, по должности его и отлучкам учинить с ним по рассмотрению консистории» [там же Л. 1 об.].

«При просмотре архивных дел, — отмечал Н. В. Малицкий, — невольно обращаешь внимание на одно... несколько странное обстоятельство. Судебные разбирательства и процессы начинались не только по жалобе лиц потерпевших, заинтересованных, но часто доносчиками являлись люди, состоявшие с лицом... в отношениях далеко не враждебных. Объясняется это явление суровыми порядками нашего старого времени, по которым члены клира, заметившие опущения своего собрата или настоятеля и не сообщившие о них своевременно, подвергались такому же наказанию, какому должен был подвергнуться виновный» [Малицкий, 1912. С. 91].

В июле 1785 г. Переславская консистория рекомендовала Его преосвященству продлить пребывание в Сольбинском монастыре диакону церкви великомученика Георгия села Ивановского Григорию Николаеву, обвиненному в ложных доносах о пьянстве и удержании дохода на настоятеля Ивана Петрова, 43 лет. К прежнему сроку ссылки — четыре месяца (назначенному за пьянку на свадьбе крестьянина Самойла Иванова и обызвании попадьи «всякими скверными и непотребными словами») — было добавлено два месяца работ [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 965. Л. 24, 26].

Пономарь села Горошково⁵¹ (Александровского уезда) Фёдор Иванов был сослан в Сольбу на 15 дней, с 26 июля 1785 г., за ослушание своего настоятеля Ивана Егорова. Среди приходского клира произошел спор из-за неправильного раздела земли, а именно, по словам священника, присвоения части паханной и усадебной земли пономарем Фёдором⁵². Тот жаловался серебужскому благочинному Николаю Александрову (с. Опарино), а затем и консистории на заказчика, «находившегося со священником его в сватовстве» о изначально несправедливом разделе пашни: «Порослая кустарником земля досталась на его часть с самого определения, и хоть он ее к себе не брал... но священник с причетниками сами ему отдали и для очистки, которую он очистил и унавозил» [Там же. Оп. 2. Д. 894. Л. 3–3 об., 6 об.]. Вместо заказчика, чей раздел пашни пономаря не устроил, консистория выслала священника Михаила Матфеева (пог. Покрова на Меленках), но проведенное им измерение удовлетворило священника, дьякона и дьячка, но не Фёдора Иванова. В журнале духовной консистории отмечалось, что пономарь «при разделе оказывал ему, священнику, противности и неоднократно из рук его отнимал меру, и чинил со своими священником и диаконом и дьячком ссору, и как перед ним, так и перед своим священником оказывал неучтивости» [Там же. Д. 894. Л. 10]. Не ожидая сентября, как рекомендовала в приговоре консистория, епископ отослал его в работы в июле. По рапорту строителя иеромонаха Арсения, по «выжитии означенного срока» пономарь, как и полагалось, был отправлен в Переславскую консисторию [Там же. Л. 12].

Основаниями прекращения священно- и церковнослужения на приходах в Переславской епархии во второй половине XVIII века являлись грубые и (или) неоднократные нарушения дисциплины, канонических требований (в т. ч. синодальных определений и Духовного регламента 1724 г.) и законов Российской империи. В случае совершения

51 В 1764 г. вместо ветхой, построенной в 1654 г., была возведена новая деревянная церковь, в 1811-м — каменная. Церковь освящена в честь Покрова Богородицы. В приход входили деревни: Соснина, Корнилово, Натальина, Сколепова, Шаропово, Ивнягова [Добронравов, 1895. С. 477–478].

52 «В вешнее время 1784 г. во время пахания... пономарь подлинно припахал не к одной, но к трем своим полосам немалое число» [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 894. Л. 4].

уголовных преступлений служителя Церкви передавали в распоряжение светского суда («гражданскую» или «светскую команду») с предварительным запрещением в священнослужении (или извержением из сана). Нарушителей российского законодательства в административной части, к примеру, своевольным подписанием священником «заручных записей» (решения крестьянского собрания — «мира») епархиальное начальство старалось, не передавая гражданским властям, оставить в своей юрисдикции. Вопрос о применении санкций в отношении ружного священства решался с учетом мнения помещика, по ходатайству которого наказание, как правило, смягчалось или сокращалось.

Правовыми источниками, на которые ссылались в приговорах о ссылке, были чаще всего правила Кормчей книги⁵³ или отдельные постановления VI Вселенского собора, византийских василевсов, пункты Соборного Уложения и Духовного регламента 1724 г., а также императорские и синодальные (19.11.1772 г., 4.12.1779 г. [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 245. Л. 4–4 об.]) указы.

Анализ актового материала Переславской духовной консистории (1750–1780-х гг.) приводит к нескольким важным выводам: нарушения христианско-церковной этики и канонов, в священнической среде восемнадцатого века в изучаемом регионе, были довольно распространены и касались нравственно-бытовой и хозяйственно-имущественной области жизни. Выявленные случаи таких нестроений (очевидно и наличие незначительного процента несохранившихся и не дошедших до консисторского разбирательства дел) свидетельствуют о частных внутрприходских конфликтах (среди клира, реже между причтом и прихожанами), распространенности, но не доминирующей, злоупотребления винопитием. Основы следственного производства, заложенные в Духовном регламенте Феофана (Прокоповича), развивались по определенному вектору и с середины столетия представляли собой четкую отработанную систему. После сообщения (рапорта, доклада) благочинного (именуемого до 1780-х гг. заказчиком) о нарушении епархиальному архиерею делалось соответствующее представление, после чего тот поручал духовной консистории производство следствия. При необходимости заключения священнослужителя под стражу или его ссылки, не говоря уже о снятии сана, в Святейший синод посылался запрос, т. к. указанные санкции касались духовного сословия, важные решения о судьбе которого принимались главой Греко-российской церкви — монархом. В следственных делах, как правило, содержались копии минимум двух императорских Указов: об ограничении свободы (преимущественно передвижения) священнослужителя (санкции на взятие под стражу) и проведении допроса, следствия. В завершение расследования консистория преподносила епископу доклад — «экстракт со мнением», на которое накладывалась резолюция, одобрявшая или корректировавшая его.

53 Относительно пьянства и буйства духовенства указывались следующие канонические санкции: извлеченные из Кормчей — 43-е апостольское правило, 1-й пункт о должностях из Духовного регламента, 20-й пункт в Приложении к тому же регламенту, 43-й пункт 4-й гл. артикула, 151-й пункт 18-й главы артикула, 3-й пункт 1-й главы артикула, 3-й и 43-й пункт воинского артикула. 50-я гл. генерального регламента [ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 501. Л. 65–66].

Одним из важных выводов при рассмотрении епископских резолюций является заключение о степени их строгости. Так, епископ Переславский и Дмитровский Геннадий, утверждая мнение консистории, иногда заменял его на более суровое. Его преемник епископ Феофилакт (Горский), что видно из подробных резолюций (свидетельствовавших о скрупулезном изучении им дел), был снисходительным и при строгости приговоров часто смягчал, сокращал, а позже и прекращал их действие.

В конце 1750-х гг. Переславская часть объединенной Переславско-Дмитровской епархии состояла из более 254 приходов (в г. Переславле 29 храмов, Переславская десятина — 132 села, Александров и округа — 74 села, Троицкая десятина — 22 села) [Малицкий, 1912. С. 282–287]. Клирики (40 человек, т. е. ок. 18% от общего количества) из более чем 28 сёл были сосланы в Николо-Сольбинскую пустынь⁵⁴, из них 20 священников, из которых 11 по «пьянственному делу» (выводы сделаны без учета невозбужденных и пропавших, сгоревших консисторских дел).

Основными нарушениями духовенства Переславль-Залесской епархии в каноническо-нравственной сфере являлись: пьянство (периодическое, реже системное), ссоры клириков (часто из-за дохода, имущества), иногда с драками, неподчинение начальству (архиерею, заказчику или настоятелю), лжесвидетельство при допросе и доносе, опущения положенных богослужений (литургий, молебнов), и повторение всего вышеозначенного. Проступки, ранее записанные в личном деле, считалисьотягчающими вину. Основным местом осуществления наказания для клира были Николо-Сольбинская и Лукианова пустынь той же епархии. Сроки ссылки варьировались от двух недель до двух-трех месяцев, реже — полгода или года (для особо тяжелых случаев)⁵⁵. Цель наказания указывалась в приказе, присылаемом строителю: работа («в труды») или, крайне редко, чтение Псалтири. По завершении срока ссылки строитель письменно сообщал о поведении заключенного и отправлении его в распоряжение консистории.

Акты Переславской духовной консистории дают богатый материал для исследования не только состава ссыльных и системы наказания в XVIII в., но и в целом колоритных подробностей и специфики монастырской и приходской жизни Переславской епархии, а на ее основе всей Русской православной церкви и российской провинции елизаветинско-екатерининской эпохи.

Литература

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200 Оп. 1. Д. 60. Дело о временной отсылке священника с. Бунаково Переславского у. Андрея Захарова в Солбинскую пустынь за подписание мирского приговора без согласия управителя дел Александровой дворцовой слободы.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200 Оп. 1. Д. 88. Дело о временной отсылке дьякона церкви с. Даратники Переславского у. Якова Иванова в Солбинскую пустынь за непорядочные поступки.

54 В рассмотренный период — 1750–1780-е гг., не считая монашествующих. Назначение в штаты Троицкой десятины до 1764 г. происходило по согласованию с Учрежденным собором Троице-Сергиевой лавры.

55 Традиционным сроком ссылки в монастырь со времен патриарха Адриана (1690–1700) и еще ранее считался один месяц [Попов, 1904. С. 180].

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 211. Дело о временной отсылке священника церкви с. Половецкое Переславского у. Никиты Евстихиева в Переславскую Солбинскую пустынь за нанесение побоев крестьянину Ивану Игнатьеву.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 216. Дело об отдаче священником церкви с. Мергусово Переславского у. Андреем Ивановым пономарю Алексею Васильеву ржи и временной отсылке священника церкви с. Шеметово Василия Григорьева в Переславскую Солбинскую пустынь за непристойные поступки.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 245. Дело о временной отсылке пономаря Петропавловской церкви г. Переславля-Залесского Андрея Петрова в Переславскую Солбинскую пустынь за пьянство.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 317. Дело о временной отсылке священника церкви с. Малая Брембола Переславского у. Тихона Флорова в Переславский Троицкий Данилов монастырь за озорство.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 334. Дело о временной отсылке священника церкви с. Вертягино Переславского у. Фёдора Перфильева в Переславскую Лукианову пустынь, а пономаря той же церкви Степана Иванова — в Солбинскую пустынь за потерю сосуда со святым миром.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 437. Дело о временной отсылке дьякона церкви с. Ильинское Киржачского у. Якова Борисова в Николаевскую Солбинскую пустынь за непристойную речь и взывании штрафа с дьячка той же церкви Ивана Евдокимова за ложное показание. 1780–1781 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 525. Дело о временной отсылке священника Петра Никитина и дьячка Андрея Иванова церкви с. Смолнево Киржачского у. в Лукианову пустынь, а дьякона Гаврилы Егорова в Николаевскую Сольбинскую пустынь за пьянство.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 527. Дело о временной отсылке дьячка церкви с. Слотино Александровского у. Григория Иванова в Николаевскую Солбинскую пустынь за непорядочные поступки. 1780–1786 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 445. Дело о временной отсылке священника церкви с. Хребтово Переславского у. Андрея Иванова в Лукианову пустынь за непорядочные поступки во время пребывания в должности серебрянского благочинного.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 190. Дело о временной отсылке иеромонахов Переславского Никольского монастыря Марка и Феодосия, первого в Солбинскую пустынь, а второго в Лукианову пустынь за пьянство и непорядочные поступки.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 615 А. Доклад Переславской духовной консистории и резолюция епископа Переславского и Дмитровского Феофилакта о лишении чина дьякона церкви с. Мякишево Переславского у. Ивана Васильева и временной отсылке в Солбинскую пустынь за ложные доносы. 1775 г.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 725 А. Дело о временной отсылке пономаря церкви с. Никольское в Волнино Переславского у. Михаила Григорьева в Сольбинскую пустынь за ложный донос. 1775–1775 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 869. Дело об отдаче престарелым дьячком церкви с. Дубнево Переславского у. Алексеем Евстихиевым своему зятю пономарю Семёну Осипову оставшейся части приданого согласно расписке и временной отсылке последнего в Солбинскую пустынь за ослушание священника, ссоры. 1782–1784 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 885. Дело о временной отсылке дьякона церкви с. Павловское Александровского у. Алексея Иванова в Николаевскую Солбинскую пустынь за пьянство.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 890. Дело о временной отсылке священника церкви с. Любилки Петровского у. Фёдора Сергеева в Николаевскую Солбинскую пустынь за пьянство и непристойные поступки, а дьячка Ивана Лукьянова и пономаря Александра Данилова в Лукианову пустынь за непослушание священнику. 1784–1785 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 350.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 894. Дело о временной отсылке пономаря церкви с. Горошково Александровского у. Фёдора Иванова в Николаевскую Солбинскую пустынь за ослушание священника.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 566. Дело о временной отсылке священника Введенской церкви г. Переславля-Залесского Петра Иванова в Николаевскую Солбинскую пустынь за пьянство. 1769–1769 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 968. Дело о временной отсылке дьячка церкви с. Ярополч Переславского у. Фёдора Фёдорова в Лукианову пустынь, а пономаря той же церкви Дмитрия Андреева в Солбинскую пустынь за непослушание священника и ненаблюдение за чистотой.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 1027. Дело о временной отсылке священника церкви с. Перцево Переславского у. Петра Осипова в Лукианову пустынь за пьянство и бесчинства. 1785–1786 гг.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 611. Дело о временной отсылке священника Никольской церкви бывшего Переславского Князь-Андреевского девичьего монастыря Ивана Петрова в Николаевскую Солбинскую пустынь в работу за пьянство.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 901. Дело о временной отсылке священников церкви с. Нушпола Александровского у. Саввы Ануфриева в Лукианову пустынь за нерачение к своей должности и церкви с. Константиновское Степана Михайлова в Солбинскую пустынь за пьянство.

Государственный архив Ярославской области. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 965. Дело о временной отсылке дьякона церкви с. Ивановское Переславского у. Григория Николаева в Солбинскую пустынь за ложный донос на священника. 1785 г.

Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. — Владимир, 1895. — 520 с.

История монастыря [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://solba.ru/about/history-monastery/> (дата обращения: 01.08.2023).

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Т. 2. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. — 495 с.

Малицкий Н.В. История Переславской епархии. (1744–1788 г.): Вып. 1. — Владимир: тип. Губ. правл., 1912. — 408 с.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Вып. 2. — Казань, 1913. — 892 с.

Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву: Исслед. Ардалиона Попова. — Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. — 516 с.

Свирилин А.И. Историческая записка о Лукиановой пустыни, в Александровском уезде, Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости, 1860. № 13–15.

Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: Исслед. Н.Д. Сергеевского, экстраорд. проф. С.-Петерб. ун-та. — СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1887. — 300 с.

Смолич И.К. Русское монашество, 988–1917: [Возникновение, развитие и сущность]; Прил. к Истории Рус. Церкви: [Пер. с нем.]. — М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 1997. — 606 с.

Табель высокотожественных дней. 1766 г. — СПб.: Типография Синода, 1766 // Российская национальная библиотека.

Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1904. — 320 с.

Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви: исследование Б.В. Титлинова. — Вильна: Тип. Русский почин, 1905. — 466 с.

References

Dobronravov V.G. Historical and statistical description of churches and parishes of the Vladimir diocese. Vol. 2: Pereslavl and Aleksandrovsky districts. Vladimir, 1895, 520 p. (In Russian)

Fund 1200. Inventory 2. File 350. (In Russian)

History of the monastery. URL: <https://solba.ru/about/history-monastery/> (date of access: 01.082023). (In Russian)

Kartashev A.V. Essays on the history of the Russian Church. In 2 volumes. Volume II. Moscow, Berlin: Direct-Media, 2020, 495 p. (In Russian)

Malitsky N.V. History of the Pereslavl diocese. (1744–1788): Vol. 1. Vladimir, 1912, 408 p. (In Russian)

Pokrovsky I.M. Russian dioceses in the 16th–19th centuries, their discovery, composition, and limits. Vol. 2. Kazan, 1913, 892 p. (In Russian)

Popov A.V. Court and punishment for crimes against faith and morality under Russian law: Research. Ardalion Popova. Kazan, 1904, 516 p. (In Russian)

Sergeevsky N.D. Punishment in Russian law of the 17th century: Research. N.D. Sergeevsky, extraord. Prof. of Petersburg Univ. St. Petersburg, 1887, 300 p. (In Russian)

Smolich I.K. Russian monasticism, 988–1917: [Origin, development, and essence]. Moscow, 1997, 606 p. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 60. The case of the temporary exile of a priest village Bunakovo Pereslavsky district Andrei Zakharov to the Solbinsk Hermitage for signing a secular verdict without the consent of the administrator of the Alexandrova Palace Settlement. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 88. The case of the temporary exile of a deacon of the church village Daratniks of Pereslavl district. Yakov Ivanov to the Solbinsk Hermitage for dishonest actions. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 211. The case of the temporary exile of a priest of the church village Polovtsian Pereslavl district Nikita Evstikhiev to the Pereslavl Solbinsk Hermitage for beating the peasant, Ivan Ignatiev. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 216. The case of the priest giving the church of the village of Mergusovo, Pereslavl district. Andrei Ivanov to the sexton Alexey Vasiliev of rye and the temporary exile of the priest of the church in the village of Shemetovo Vasily Grigoriev to the Pereslavl Solbinsk hermitage for indecent acts. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 245. The case of the temporary sending of the sexton of the Peter and Paul Church of the city of Pereslavl-Zalessky Andrei Petrov to the Pereslavl Solbinsk Hermitage for drunkenness. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 317. The case of the temporary exile of a priest of the church village Malaya Brembola, Pereslavl district. Tikhon Florov to the Pereslavl Trinity Danilov Monastery for mischief. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 334. The case of the temporary exile of a priest of the church village Vertyagino, Pereslavsky district. Fyodor Perflyev to the Pereslavl Lukian Hermitage, and the sexton of the same church, Stepan Ivanov, to the Solbinskaya Hermitage for the loss of a vessel with the holy myrrh. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 437. The case of the temporary exile of a deacon of the church village Ilyinskoye, Kirzhachsky district. Yakov Borisov to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for obscene speech and collecting a fine from the sexton of the same church, Ivan Evdokimov, for false testimony. 1780–1781. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 445. The case of the temporary exile of a priest of the church Khrebtovo, Pereslavl district. Andrei Ivanov was sent to Lukianova Hermitage for dishonorable actions during his tenure as dean of Serebuzh. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 525. The case of the temporary exile of priest Pyotr Nikitin and sexton Andrei Ivanov from the church of the village. Smolnevo, Kirzhach district to the Lukian Hermitage, and deacon Gavriila Egorov to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for drunkenness. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 1. File 527. The case of the temporary exile of the deacon of the church Slotino Alexandrovsky U. Grigory Ivanov to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for dishonest actions. 1780–1786. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 190. The case of the temporary exile of the hieromonks of the Pereslavl St. Nicholas Monastery Mark and Theodosius, the first to the Solbinsk Hermitage, and the second to the Lukian Hermitage for drunkenness and dishonest actions. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 615 A. Report of the Pereslavl Spiritual Consistory and the resolution of the Bishop of Pereslavl and Dmitrov Theophylact on the deprivation of the rank of deacon of the church village Myakishevo, Pereslavl district. Ivan Vasilyev and temporary exile to Solbinskaya Hermitage for false denunciations. 1775. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 725 A. The case of the temporary exile of the sexton of the church village Nikolskoye in Volnino, Pereslavl district. Mikhail Grigoriev to Solbinskaya Hermitage for false denunciation. 1775–1775. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 869. The case of an elderly sexton giving the church to the village. Dubnevo, Pereslavsky district Alexey Evstikhiev to his son-in-law, sexton Semyon Osipov, the remaining part of the dowry according to the receipt and temporary sending of the latter to the Solbinsk Hermitage for disobedience to the priest, quarrel. 1782–1784. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 885. The case of the temporary exile of a deacon from the church. Pavlovskoye Alexandrovsky district Alexey Ivanov to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for drunkenness. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 894. The case of the temporary exile of the sexton of the church. Goroshkovo Alexandrovsky district Fyodor Ivanov to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for disobedience to the priest. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 2. File 890. The case of the temporary exile of a priest of the church village Lovers of Petrovsky U. Fyodor Sergeev to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for drunkenness and indecent acts, and sexton Ivan Lukyanov and sexton Alexander Danilov to the Lukian Hermitage for disobedience to the priest. 1784–1785. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 3. File 566. The case of the temporary exile of the priest of the Church of the Presentation of the city of Pereslavl-Zalessky, Pyotr Ivanov, to the Nikolaev Solbinsk Hermitage for drunkenness. 1769–1769. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 3. File 611. The case of the temporary sending of the priest of the St. Nicholas Church of the former Pereslavl Prince St. Andrew's nunnery, Ivan Petrov, to Nikolaevskaya Solbinsk Hermitage to work for drunkenness. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 3. File 901. The case of the temporary exile of church priests from Nushpola Alexandrovsky U. Savva Anufriev to Lukian Hermitage for neglect of his position and the church. Konstantinovskoe Stepan Mikhailov to Solbinskaya Hermitage for drunkenness. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 3. File 965. The case of the temporary exile of a deacon from the church Ivanovskoye Pereslavsky district Grigory Nikolaev to the Solbinsk Hermitage for false denunciation of a priest. 1785. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 3. File 968. The case of the temporary exile of the deacon of the church. Yaropolch, Pereslavl district. Fyodor Fedorov to the Lukian Hermitage, and the sexton of the same church, Dmitry Andreev, to the Solbinskaya Hermitage for disobedience to the priest and failure to maintain cleanliness. (In Russian)

State Archive of the Yaroslavl Region. Fund 1200. Inventory 3. File 1027. The case of the temporary exile of a priest of the church from. Pertsevo, Pereslavsky district Peter Osipov to Lukian Hermitage for drunkenness and disorderly conduct. 1785–1786. (In Russian)

Svirelin A.I. Historical note about the Lukian Hermitage, in Aleksandrovsky district, Vladimir province. Vladimir Provincial Gazette, 1860, no. 13–15. (In Russian)

Table of highly solemn days, 1766. St. Petersburg, Synod printing house, 1766. The National Library of Russia. (In Russian)

Timofeev A.G. History of corporal punishment in Russian law. St. Petersburg, 1904, 320 p. (In Russian)

Titlinov B.V. The government of Empress Anna Ioannovna in its relationship to the affairs of the Orthodox Church: a study by B.V. Titlinov. Vilna: Type. Russian initiative, 1905, 466 p. (In Russian)